

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_5-11

УДК 1.111.115.17

МЕТАФИЗИКА ПРОШЛОГО И ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТОСА

METAPHYSICS OF THE PAST AND THE PHENOMENON OF MEMORY IN THE ONTOLOGICAL CONTEXT OF NATIONAL ETHOS

Сухоруких А.В., доктор философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Sukhorukikh A.V., Doctor of Philosophy Sciences, associate professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: в статье рассматриваются онтологические феномены «время», «прошлое», «память» в контексте метафизических коррелятов социально-исторических процессов, актуализируется этическая составляющая традиции национальной исторической памяти, обуславливающей вневременной фактор духовного бытия народа.

Abstract: The article examines the ontological phenomena of "time", "past", "memory" in the context of metaphysical correlates of socio-historical processes, actualizes the ethical component of the tradition of national historical memory, which determines the timeless factor of the spiritual existence of the people.

Ключевые слова: память, вечность, этика, история, Победа

Keywords: memory, eternity, ethics, history, Victory

Если категория «свободы» в своём предельном аксиологическом статусе ассоциируется с футуристическим контекстом, обуславливая будущее ценностным целеполаганием, то наиболее значимым гуманистическим фактором, максимально сближающим метафизику Абсолюта с диалектикой формирования общественного сознания, с константой идеи общенационального бытия, его историчностью, становится феномен «прошлого» – этический, по существу, феномен человеческой памяти.

Берущий свой имманентный исток в глубинах человеческого сознания, символизм памяти соотносим с историческим контекстом, коррелирует фундаментальным онтологическим категориям «время» и «вечность», аккумулирует их пространственный контент в человеческом существе, суммируя физические и метафизические значения этих понятий в предельные смыслы Абсолютного бытия. Таким образом, перед нами интегральный гуманитарный дискурс для рассмотрения самых глубоких, по сути, сакральных измерений культуры – это её метафизический пласт архетипов, рождающих историчность личной памяти

(«всё, что было не со мной, помню») и её бесконечность в онтологических проекциях («мы звёздная память друг друга»).

Прежде всего, дадим краткий обзор феномена «память» в концептуальной философской традиции с позиций онтологии, истории, социума и культуры.

Память нерасторжима с понятием природы времени: метафизической, органической, социальной, и в этом значении – с естеством самой жизни. Её абсолютный онтологический контекст, «вечность», детерминирует понимание органичности «ткани» времени как «пространства» памяти: именно она оставляет неизменной суть перемен, циклов и эпох. Классический архетип родовой культуры народов мира актуализирует эталон «Золотого Века»: времени, в которое следует вернуться и навсегда остаться в нём, как в божественном измерении сущностного первоначала, – в частности, память о божественном Рае стала ключевым атрибутом христианской культуры.

Понимание природы времени менялось в культурно-исторических контекстах. Античность видела его ход цикличным и объёмным: всё уже было и всё будет, и лишь противостоящие Року герои жертвуют собою так, чтобы цикл времен повторился по-новому – иными словами, «прошлое», которое станет бывшим, уже есть в будущем, но его варианты всегда непредсказуемо новы. Средневековая мысль понимала время сотворенным божественным атрибутом, проистечением из будущего в прошлое, и наконец, центробежным «от рождества Христа». И только «Новое время» сделало свой ход линейным – из прошлого в будущее.

Мыслители разных эпох пытались обозреть ход времени в онто-историческом масштабе, рассматривая свойства памяти в антропологическом значении. Платон, развивая идею о вечном воспоминании о Едином, Благе и Добродетели всех душ, совершающих метампсихоз, полагал время субъективным: оно растяжимо и обратимо, а образ вечности подвижен (это «время подвига») [3, с. 11, Тимей 37 д].

У Плотина время только незавершенность полноты вечности, время, по сути, отрицаемо, тогда как именно память – критерий совершенства высшей реальности духа, утверждает само бытие [4, с. 219-236].

Христианский контекст, начиная с Августина, акцентирует вневременное причастие памяти как источнику совершенного знания, такого же неизменного, как божественный абсолют морали и добра. Время действительно только в мышлении – это форма для помышления вечного. Прошлое – настоящее, и человеческая душа вместилище прошлого, памяти. Именно душа измеряет время, воскресает в памяти универсальное, выходит из него в вечность. Человек видится образом Божиим, время действительно только в его мышлении, всё временное указывает на образ вечного [6, р. 46].

Сущностно тот же, фундаментальный для Просвещения кантовский тезис о субъективности времени как форме постижения мыслью реальности, возможно, впервые наглядно манифестировал пространство памяти как непостижимо-реальный этический императив долга быть и оставаться человеком [5, с. 15]. М.М. Бахтин, возродивший для XX в. сущность сократовского диалога, был убеждён, что в общем единящем пространстве памяти

происходит наиважнейшая для человека экстраполяция на социальный контекст образа другого как себя [2].

Память – время «вне потока времени», её момент – не дискретность фрагментов настоящего, а пространство неделимости, цельности и единства вечности как единственной воспринятой реальности. Погружение в память есть акт одномоментности: это вновь сотворенное бытие, где нет генезиса, становления. В этом уникальном качестве феномен памяти – субъективная категория, наполняющая ход времен сугубо личным. Минуя логическую объективацию, она коррелирует абсолютным характеристикам бытия, большим, чем жизнь: это прямая детерминация существования в вечности – для человека, общества, государства. Это философская сущность историзма, созидания человечеством своей наилучшей социальной природы: через предельно возможное приближение к умопостигаемым критериям своей собственной вечности. Интересно в этой связи замечание советского историографа М.А. Барга: «Мысленно воссоздавая прошлое, наследником которого он является, общественный индивид в действительности воспроизводит процесс собственного становления» [1, с. 10]. В таком «воспроизведении», в осмыслении собственной уникальности и историчности, в едином этическом ключе соединяются индивидуальная и социальная проекции человека, расширяя его идентичность до масштабов гражданской, государственной, национальной личности.

Вместе с тем, «частная», субъективная историчность, история как совокупность эпизодов, преобразуется для человека в целостное событийное вневременное единство и обнаруживает «вечные истины» только при погружении в этос национальной памяти – именно он видится определяющим фактором исторического сознания.

Историческая детерминация бесплодна вне преемственности народной памяти: только «воспоминание» национального прошлого как реальности бытия вечности в её абсолютных, этических константах, как единение, Собор, единство духовного континуума национального сообщества, рождает идею общенационального бытия.

Следовательно, определяя фундаментальную значимость прошлого в традиции преемственности исторической памяти, следует говорить, прежде всего, об этосе национального самосознания. В этом случае, пространство памяти, пространство времени есть пространство сознания – это этический континуум, вечность совести, начало предсущего, в котором нет «было» и «будет», но всегда постоянство «есть».

В этом контексте онтологические масштабы «Вечной России» – не территориальное пространство, но пространство бытия исторической памяти, бытия соборности народов, национальный духовный этос.

Только постоянно присутствующий этический коррелят национальной культуры (духовное достоинство ушедших поколений, которое «не посрамим») рождает вневременное достояние: идею национальной чести ради торжества правды и соборного начала («за други своя»). Это воплощенное единство прошлого, настоящего и будущего, преемственность живущих, живших, и тех, кому предстоит быть – по сути, так формируется императив нравственной цели, «пронизывающей» время.

Этос национального бытия больше, чем жизнь, масштабнее, чем категория времени. Соборный императив нравственен, он видится неизмеримо важнее, чем даже угроза неминуемой личной гибели. В такой метафизике понимания прошлого, будущее обусловлено принципиально моральным целеполаганием: универсальная ли это природа христианского общежития, философия ли «всеединства», идеалы «коммунизма» как «счастья для всех», или же – геополитически фатальная идеология «нового мышления» как торжества общезначимых гуманистических ценностей, блага для всех народов планеты. Этот исторический нонсенс конца XX века: факт жертвенности советской государственностью за идею справедливого и мирного сосуществования, – ещё не вполне осмыслен современным российским обществом.

Только в контексте феномена памяти, акта воспоминания, то есть сопричастия с духовным Абсолютом, или с Правдой в символике русской онтологической модели, следует говорить о возрождении общенационального исторического мышления, об органичном, идущем в недрах национального самосознания процессе, соотносимом с самой жизнью – о рождении национальной идеи при длительной рефлексии, «сосредоточении» на этическом ядре национального организма.

Здесь принципиально важна не конструкция или реконструкция идеологии, но сакрализация исторической памяти, возврат национального самосознания к своему истоку, к абсолютным онтологическим значениям национального бытия, возвращение к сущностному, этическому началу природы национального организма, к его нравственной целостности, имманентным интенциям Духа, выраженным, в том числе, сакральной символикой воспитательных традиций.

Современная историческая ситуация по-своему уникальна для общенационального бытия: ещё не осознавая вполне, соотнося с опытом прошлого, российское общество интуитивно чувствует онтос истории, реалии духовных оснований, смысложизненную весомость Правды как фактора единения и мира.

Интуиция исторической памяти русского народа говорит и о реализации совершенно «невозможного» в настоящем «всепрощения» – не сколько в будущем, сколько именно в прошлом, как «прошлое». Рождённая, как правило, «священной войной», метафизика русского «всепрощения» коррелирует с «сопротивлением злу» как сила и сила, как прямо пропорциональные силовые факторы.

«Прошлое» примиряет непримиримое. Память естественна, именно в этом её преимущество, она стирает зло только тогда, когда оно не забывается, не игнорируется и не перестает именоваться таковым. Прощение рождается стихийно, именно вопреки «исторической логике» как единственная сила, способная стереть боль совершённого в прошлом зла. Примирение происходит органично, без искусственных реконструкций реванша: природа примирения исходит из абсолютной сущности памяти, оставляющей существенными лишь светлые воспоминания, и примирение – это только нечто пережитое, продуманное, прожитое, изжитое.

Метафизический опыт исторической памяти народа, общенациональный, соборный этос всеобъемлющ – его смыслы не сопоставимы с идеологическими конструктами временной

конъюнктуры. Следующему в континууме исторической памяти невозможно навязать «модель добра». Рождающуюся в национальном сознании мысль о прощении ждёт испытание сопоставлением с аналогиями прошлого. Схематически упрощая, можно назвать константу исторического отклика русского национального характера на развитие и провокацию метафизического «зла»: сначала это долготерпение и моление о милости, и лишь затем – «дубина народной войны», благородная ярость «войны священной», спасение большинства ценой несопоставимой жертвенности.

За XX век дважды была разрушена «историческая Россия», дважды была произведена десакрализация национальной памяти, «перечеркнуты» века собирания «Русской земли», усилия сплочения «советских республик», объединения «русского мира» как духовного начала, «скрепленного», «державного» актом жертвенности и русской кровью – разрушена «сакральность времени» в преемственности духовной памяти, формирующей традицию государственности и культуры.

Если в 1920-е гг. в театре Мейерхольда демонстрировался «эстетический расстрел прошлого», то в 1990-е стала реальностью эклектика глумления над всем «советским». Между тем, оказалось невозможным убрать важнейшее связующее звено сакральной преемственности поколений, символ священной войны, совершить деформацию глубинной исторической памяти, основ национального духа.

Память великой Победы обнажила жизнестойкость национального этоса – важнейшей, самоочищающейся «державы» общественного сознания, сознания духовных основ исторического бытия. И если говорить в терминологии сакральной государственной традиции о «сосредоточении» России, мы подразумеваем органическое «самоскрепление» национального духовного самосознания, факт его «самоудержания» на краю беспамятства, по сути, факт его «самодержавности».

Праздник Победы, символизм её общенациональной (соборной) жертвенности, обнажает реальность абсолютного начала, реальность вечности бытия в конкретном образе прошлого. Победа остаётся единственно значимым в народном сознании сакральным торжеством, таинством причастия исконной (родовой) памяти, залогом возрождения общенационального единства и образом преемственности и сплочения «вневременной», соединившей поколения, «русской идеи».

Красноречива общественная инициатива «Бессмертный полк». Его феномен не экзистенциален, он трансцендентален. Это именно феномен реализующейся, являющей саму себя абсолютной константы памяти, стирающей логическую несовместимость аспектов времени.

Символ прошлого, ожившего в духе и уходящего, «как журавли», в вечность – это редкий сегодня, но подлинный акт соборности, всесловности и национального самосознания, иллюстрация того, что «священная память», сакральное время, есть деятельное подвижничество причастия подвигу вне исторических координат, причастие вечной памяти, памяти вечности, памяти Бога.

Обратим внимание, что именно этико-философский концепт памяти акцентирует аморальность акта забвения едва ли не в масштабе античной трагедии: отсутствие социальной (полис) и метафизической (этос) целостности – это шаг (правителя и общества) к безумию и, в конечном итоге, к безвестности – себя, как части единого, и единого в себе самом.

Сфокусированная общенациональным сознанием память Победы возродила идею Победы – как, хочется верить, предтечу общенациональной идеи. Сегодня национальное сознание «очнулось»: его воспоминания стали реальностью настоящего, а точнее, подлинного – реализовалась, пусть отчасти, «ностальгия по настоящему».

Без памяти о прошлом в своей оценке темпоральных перспектив, в актуализации приемлемого будущего, человек не воспринимает вечность даже при абсолютизации интуитивных аспектов сознания, он не может избежать многофакторности онтологических допущений: за «порогом» его разума будущего «не существует». В экстраполяции этих положений на национальное сознание, историзм соборной памяти обретает непреходящее значение, и в этом контексте Родина – принципиально «прошрое», корни твоего рода, чистота символики национальных святынь, без которых немислима и бессмысленна жизнь приходящих поколений.

В контексте духовных доминант национальной культуры борьба за цивилизационное будущее фактически предстаёт борьбой за место в истории, борьбой за не оболганное «прошрое»: это борьба не за пространство, а за «время», выводящее в «вечность», борьба за бытие национального самосознания.

Национальный опыт исторических поколений представляет по существу хронологический континуум духовной памяти, соотнесенный с вектором абсолютных истин. И в этом случае особый сакральный смысл обретает самая существенная мистерия борьбы – «война за память», за бытийствующую, являющую саму суть бытия, правду, так как лишь в памяти, в подлинно, без прикрас, былом, а не идеологически смоделированном прошлом, черпаются духовные силы человека и общества в целом.

Хрестоматийная дилемма демокритовой диалектики, заключённая в парадоксальном тезисе о «войне как матери всего» разрешается именно этическими презумпциями о ценности борьбы, ничтожащей иллюзии и софизмы, проявляющей сущностные начала абсолютных универсалий миропорядка, обнажающей этос бытия, цена которого дороже жизни. Не течение вод, в которые не войти дважды, а их бездонность и постоянство очертаний берегов аллегорически обозначают ту истину, принципиальность борьбы за которую обращает деяниями героев в вечность тот момент исторического времени, когда в общественном сознании совесть национального духа вырывается из ситуации политической конъюнктуры и обыденных форм предметно-вещественного мира.

В этом смысле подлинность национального самосознания определяется не сиюминутным настоящим, но «прошлым» как единением с предвечным – в христианском понимании такое сознание надмирно, по существу есть Дух, и тем самым истинно живо. Сущностное национальное сознание соборно, и жизнь Духа для него реальна настолько, насколько реальное будущее строится на основе реального прошлого.

Сопричастность вечности через многовековое прошлое – соборность с ушедшими ради обретения будущего – являет охват общенационального бытия, соизмеримого с произошедшем, что стало былью, и с происходящим, акцентирующим самое важное, самое явное – быть самим собой, и это в значении национального этоса означает «быть русским». Характерно, что такое качество нравственной природы национального сознания, предполагает именно неброскость своего естества, органичность своего проявления, равно как незаметно течёт время, предоставляя состояться событию, которое становится вехой исторической судьбы, бесценным прошлым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М.: Мысль. 1987. – 348 с
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. Платон Тимей. – М.: Нобель-пресс, 2024. – 170 с.
4. Плотин. Космогония. – М.: REFL-book 1995. – 304 с.
5. Торубарова Т.В. Пространство и время как модели понимания в метафизике И. Канта // *NOMOTHETIKA* Философия. Социология. Право. – 2015. – № 2. (199). – С. 14-22.
6. Brabant H. Time and Eternity in Christian Thought. – London, 1937. – 283 p.

REFERENCES

1. Barg M.A. Epochs and ideas: the formation of historicism. – M.: Thought, 1987. – 348 p.
2. Bakhtin M.M. Literary and critical articles. – M.: Fiction, 1986. – 543 p.
3. Platon Timei. – M.: Nobel Press, 2024. – 170 p.
4. Plotinus. Cosmogony. – M.: REFL-book 1995. – 304 p.
5. Torubarova T.V. Space and time as models of understanding in I. Kant's metaphysics // *NOMOTHETIKA* Filosofiya. Sociology. Right. – 2015. – № 2. (199) – Pp. 14-22.
6. Brabant H. Time and Eternity in Christian Thought. – London, 1937. – 283 p.